

8. Скабический, А. Александр Константинович Шеллер / А. Скабичевский // Шеллер А. К. Полн. собр. соч. Т. 1. – СПб., 1904. – С. 5–32.

9. Шеллер-Михайлов, А. К. Над обрывом / А. К. Шеллер-Михайлов. – URL: http://az.lib.ru/s/shellermihajlow_a_k/text_0090-2.shtml (дата обращения 21.03.2015)

УДК 821. 161. 1. 0

C. В. Байнин

*Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Ю. В. Розанов
Вологодский государственный университет*

Н. А. КЛЮЕВ ПОД ОГНЕМ СОВЕТСКОЙ КРИТИКИ

Статья посвящена отношению литературной критики к творчеству Н. А. Клюева после 1917 года. Появляются строгие идеологические ограничения в литературе, которые «крестьянский» поэт не принимает. Не входя ни в какую литературную группу, поэт практически со всех сторон получает на долгие годы клеймо «кулацкий» поэт.

«Кулацкий» поэт, «новокрестьянская» литература, Н. А. Клюев, РАПП.

The article is devoted to the literary criticism of N.A. Kluev's works after 1917. Due to this period strict ideological limitations appear which the «peasant» poet doesn't accept. Because the poet doesn't belong to any literary group, he gets the brand of «poet-kulak» for ages.

«Kulak» poet, «new-peasant» literature, N. A. Kluev, RAPW.

Введение.

К середине 1920-х гг. программой для литературной критики и литературы в целом становится борьба со сменовеховским либерализмом, контрреволюционными проявлениями в литературе, прозвучавшая в постановлении ЦК РКП(б) 1925 г. «О политике в области художественной литературы». Отныне партия брала литературу под свой контроль и брала на себя ответственность в воспитании читателя и писателя. Один из главных идеологов мировой революции – Л. Д. Троцкий – требует от критиков составления досье на каждого молодого писателя и поэта, начиная с биографических данных, заканчивая политическими и литературными интересами. В отношении уже известных писателей и поэтов партия руководствуется идеологическими устремлениями.

Основная часть.

На фоне перемен в отношении к литературе изменяется мнение власти и, следовательно, официальной критики к «крестьянскому» поэту Николаю Алексеевичу Клюеву. В силу того, что Клюев отходит от восторженных речений в сторону революции, «крестьянского» поэта начинают критиковать в основном за тематику и мировоззрение, а не обсуждать саму художественную составляющую поэзии. Помимо этого, Клюев не входил ни в какую литературную группу (за исключением «Скифов» и направления «новокрестьянских» поэтов), что повлияло на мнение критиков и литературоведов о творчестве поэта-самоучки. Он постепенно отходит в сторону от советской действительности (как и многие «новокрестьянские» поэты), разрушающей традиционный деревенский уклад. Сначала Клюева принимают как «литературного попутчика революции» – поэта организационно и идеологически не связанного с новой

властью. По мнению Троцкого, такой писатель, «ковыляя и шатаясь», идет параллельно партии по тому же пути. А тех, кто против партии, высыпают при случае за границу. Как оказалось, не все было так идеально, как и в отношении с Клюевым. В этом плане необходимо проследить по критическим статьям газет и журналов эволюцию отношения отечественной критики в послереволюционный период к Клюеву, исходя из идеологического направления издания и публициста.

Отрицательные отзывы о произведениях Клюева высказывались критиками при выходе его ранних книг. Например, с выходом третьего сборника «Лесные были» (1912) Клюева обвиняли в фальсификации народной речи и стилизации под фольклор (С. Кречетов (С. А. Соколов), В. Е. Чешихин – Ветринский, Л. Н. Войтоловский и др.), но положительные отзывы преобладали. Авторитетный критик-фельетонист А. А. Измайлов убедительно возразит на страницах газеты «Биржевые ведомости», что поэзия Клюева «действительное народное чувствование, действительное народное мышление» [16, с. 3]. «Лесные были» – «чистое и свободное проявление поэтической стихии этого поэта из народа» – написал критик уже на страницах журнала «Новое слово» [17, с. 2].

После 1917 г. поэты и писатели разделились на принимающих революцию (В. В. Маяковский, В. Т. Кириллов и др.) и отвергавших ее (И. А. Бунин, З. Н. Гиппиус и др.). Клюев поначалу восторженно приветствовал 1917 год, в котором видел воплощение своей давней мечты: возрождение исторической Руси, «берестяного рая». Он вступает в РКП(б) и в левоэсеровскую группу «Скифы». Идеологом «скифства» был Р. В. Иванов-Разумник, придерживающийся в духе христианской утопии идеи кресть-

янского социализма. В 1918 г. выходит «Песнь Солнценосяца» в издательстве «Скифы». Поэма отвечала программе революции и ставила Клюева в ряд национальных поэтов, отражающих в своей поэзии народную волну. Однако уже в сборнике «Львиный хлеб» (1922) видно разочарование Клюева в результатах событий 1917 г.

В 1922 г. в газете «Правда» Троцкий публикует статью «Внеоктябрьская литература», ставшая впоследствии продолжением в работе «Литература и революция» (1924). В этот же год основатель «Красной газеты» и поэт пролетарской революции В. В. Князев выпускает книгу «Ржаные апостолы (Клюев и клюевщина)» (1924, фактически 1923). Оба автора, высоко оценивая талант Николая Алексеевича, считают стихотворения его враждебными и чуждыми пролетарской культуре. Осуждая город и приветствуя только деревню, Клюев умер как поэт «и никогда не воскреснет: не может воскреснуть – нечем жить!» [20, с. 144]. Таков вывод Князева о поэме «Мать-Суббота», в которой сделана попытка вернуться к бытым образам, темам и мотивам «Избянных песен» и «Лесных былей». Уже к 1921 г. Князев видит в Клюеве не поэта, а певца, «сорвавшего, навсегда погубившего свой голос», потерявшего зрение, использующего слепые «лабораторные образы, сравнения» [20, с. 144]. «Мирские думы» – первый сигнал о перемене мировоззрения Клюева. Причины три: «война, город, пролетарская революция», – пишет Князев [20, с. 136]. И Клюев уже не сможет выкарбаться из «могилы», стать прежним «поэтом-идеологом-сектантом» [20, с. 145].

В 1924 г. Госиздат выпускает небольшую по объему книгу стихов «Ленин», состоящий из двух разделов: «Багряный лев» и «Огненный лик». Критика и власть отрицательно отзовутся на произведения Клюева. В частности, Троцкий в той же статье сделал вывод, что «крестьянский» поэт пошел против революции, так как «слишком уж он насыщен прошлым» [30, с. 50]. Клюев, по мнению Троцкого, попадает в переходный момент между умирающим буржуазным искусством и искусством, рожденным революцией, но не являющимся ее выражителем. И творчество «крестьянского» поэта невозможно без революции. В отношении Клюева к революции Троцкий видит двойственность: поэт принимает 1917 год, но при этом не признает город и городскую поэзию. Так и в образе Ленина автор увидел «двоемыслие, двоечувствие, двоесловие»: «Когда Клюев «подспудным, мужицким стихом» поет Ленина, то очень нелегко решить: Ленин это или ... анти-Ленин?... А в основе всего – двойственность мужика, лапотного Януса, одним лицом к прошлому, другим – к будущему...» [30, с. 51]. В конце Троцкий сделает верный вывод в отношении Клюева к революции: «Каков будет дальнейший путь Клюева: к революции или от нее? Скорее от революции...» [30, с. 51]. Образ вождя Красного Октября волновал поэта с 1918 г. Клюев с различных текстологических точек зрения рассматривает Ленина в подробностях и в целом («Ленин – тундровой Руси горячая печень, / Золотые молоки, жестокий крестец...»; «Ленин – Красный олень...»).

Клюев вынужден был сделать поправки в некоторых стихотворениях цикла. Однако это не убедило литературных критиков. Машина, которую запустили Троцкий и Князев, уже невозможно было остановить. Один из руководителей ВАПП, критик Г. Л. Лелевич в статье «Окулаченный Ленин» писал, что Клюев приспособил Октябрьскую революцию «к своим кулацким чаяниям». А страницах сборника молодых поэтов и писателей первого комсомольского поколения «Молодая гвардия» он, анализируя основные тенденции писателей и поэтов в изображении «нашего великого, единственного вождя», назовет Клюева сектантом, «застывшим, искусственным и до смешного украшенным мишурую кондовым поэтом, кондовой кулацкой северной Руси» [22, с. 499–500]. Именно его Лелевич выбирает для примера неправильного изображения Ленина. По мнению критика, Клюев приложил все силы, чтобы окулачить Владимира Ильича, называя его «Красным Оленем», «Львом», который «обруился с родимой землей» [22, с. 499–500]. В общем, «это превращение в какого-то религиозного кулацкого Спасителя, – пишет Лелевич, – отвратительнее и вреднее любой черносотенной браны, любых белогвардейских проклятий» [22, с. 499–500].

На страницах «Печати и революции» Лелевич, замечает, что Клюев «показывает нам вождя пролетарской революции в виде не то Святогора-богатыря, не то Георгия Победоносца, не то князя Владимира Красное Солнышко, не то самого Иисуса Христа. Клюев берет Октябрьскую революцию и пытается приспособить ее к своим чаяниям домовитого мужичка» [23, с. 175]. Критик совершенно не понимает фольклорных образов и мотивов «крестьянского» поэта, видя в них лишь «узорчики», Лелевич даже не старается понять, какая мысль скрыта за ними.

Помимо этого, Лелевич вместе со своими товарищами по литературной группе «Октябрь» (Л. Л. Авербахом, А. И. Безыменским Б. М. Волиным и др.) отправляют письмо «Нейтралитет или руководство? К дискуссии о политике РКП в художественной литературе» в редакцию главной газеты страны «Правда». Авторы разделяли литературу на три группы:

- 1) буржуазную, глядящую на мир глазами господствовавших до революции классов;
- 2) мелкобуржуазную литературу промежуточных социальных слоев;
- 3) пролетарскую литературу, организующую психику читателя в сторону коммунизма» [5, с. 3].

Письмо в газету является первым политическим доносом на Клюева, как на негодного реакционного поэта. Клюев относился, наряду с С. А. Есениным, П. В. Орешином и другими, к первой группе, как поэты с элементами «мужицкого» консерватизма. Отныне прозвище Клюева «кулацкий» уже не сходит со страниц журналов и газет как до, так и после его смерти.

Непосредственно о поэзии сборника написал лишь критик и историк литературы П. Н. Медведев на страницах газеты «Записки Передвижного театра». Автор видел в книге восстановление одического стиля, в чем и состоит «главный поэтический инте-

рес» «Ленина». Несмотря на то, что постоянные читатели ничего нового в сборнике не нашли бы, «Н. Клюев – поэт огромного эмоционального подъема, – вот уж кто, воистину, исходит стихом. Ему свойственен богатый, порою, даже чрезмерный метафоризм. И, наконец, у Клюева есть свой торжественный и величавый словарь», – пишет Медведев [25, с. 8].

В 1927 г. Клюев выпустил две поэмы: «Деревня» и «Плач о Сергее Есенине». «Деревня» была напечатана в литературном журнале «Звезда» и еще больше усугубила положение поэта. На следующий день в одной из ведущих революционных изданий страны «Вечерней Красной Газете» Клюева критиковали «за контрреволюционные кулацкие выступления» [8, с. 3], началось расследование в ГПУ, а в редакции «Звезды» произошли изменения.

Редактор «Звезды» (до 1927 года), а также и активный деятель групп «Октябрь», «На посту», затем РАППа, А. И. Зонин был возмущен появлением поэмы в своем печатном издании. Им даже было направлено письмо в редакцию журнала «На литературном посту», в котором критик снимает с себя всю ответственность за произошедшее: «Черносотенное стихотворение Н. Клюева, как и все другие стихи первого № Ленинградского журнала «Звезда», принимались без меня. В настоящее время, в связи с переездом в Москву фактического участия в работах редакции «Звезды» я не принимаю. Вместе со всеми т.т. по ВАПП'у, я считаю напечатание стихов Клюева в марксистском журнале недопустимым» [15, с. 79]. В дальнейшем, и читатели, и исследователи творчества и судьбы Клюева будут задаваться вопросом: каким образом (даже чудом) поэмы «Деревня» и «Зазерье», которые можно было истолковать как политическое обращение, попали на страницы советской печати.

Поэт А. И. Безыменский, яркий критик «непролетарского» искусства, удивлен тем, что Клюев в поэме «Деревня» даже Ленина «сумел окулачить». Критик иронически предупреждает большевиков, что герой поэмы Иван Третий сметет бородою их «татарские плети». «Вот оно «русское дело» Николая Клюева!», – заключает Безыменский [8, с. 3]. Помимо этого критик восторженно говорит о Н. И. Бухарине, который на XXIV конференции ВКП(б) акцентирует на необходимости беспощадной борьбы с врагами пролетариата и «великорусским шовинизмом», все больше и больше распространяющимся в литературе. Кулацкая идеология Клюева, П. Д. Дружинина, а также смеси «кобелей», Господа Бога и икон Есенина, по мнению Бухарина, должны быть выкинуты в прямом смысле слова из отечественной литературы. Важно построить вокруг «нежелательных» людей атмосферу, в которой они не смогли бы спокойно жить и заниматься творчеством. Через шесть дней в этой же газете Е. Мустангова согласится с коллегой Безыменским и добавит, что поэма «Деревня» «скрывает за стилизованным юродством глубоко-реакционную идею» [13, с. 3].

В 1926 г. на страницах «Красной газеты» (28 декабря 1926, вечерний выпуск) вышла поэма «Плач о

Сергее Есенине». Отдельной книгой произведение было издано при помощи издательства «Прибой» в 1927 г., которое сопровождалось вступительной статьей Медведева «Пути и перепутья Сергея Есенина». Медведев анализирует весь творческий путь Есенина, начиная с его первого сборника «Радуница» (1916) и заканчивая его последними поэмами. По мнению автора, читатель помнит Есенина не как поэта, а «как скандалиста, дебошира и «московского озорного гуляку» [19, с. 22]. «Перед нами яркий пример узкого, одностороннего примитивно-публицистического подхода к поэту и его творчеству» – пишет Медведев [19, с. 22]. Автор предлагает смотреть на Есенина и его лирику с точки зрения «объективно-исторического» (или научного) изучения, но этот подход довольно сложен в связи с отсутствием «необходимой исторической перспективы. ...Мы по отношению к Есенину слишком современны...» [18, с. 23]. В конце статьи Медведев напишет несколько слов и о «Плаче о Сергее Есенине». «Это – не поэма. Это – и не похоронная заплачка, дающая выход только чувству личной потери и скорби. Это именно плач, подобный плачам Иеремии, Даниила заточника, Ярославны, князя Василька», – так определяет жанр произведения Медведев [19, с. 86].

На страницах «Комсомольской правды» Безыменский в статье «О чем ониплачут?» не оставил в стороне ни Клюева, ни даже Медведева. Безыменский пришел к выводу, что «контрреволюция Клюева нашла комментатора в лице Павла Медведева... нет уж, дорогой!.. Никакой симфонией образов, эмоций и ритмов не замажешь того, что это кулацкий плач, что это кулацкие эмоции, что это контрреволюционная симфония, что в целом это черносотенное «русское дело»...» [7, с. 2].

В начале 30-х гг. Л. И. Тимофеев назовет поэмы «Деревня» и «Плач о Есенине» совершенно откровенными антисоветскими декларациями озверелого кулака [29]. Клюев открыто проклинает революцию за разоблачение мощей, уничтожение деревни, уход от «старого» и так далее и предрекает, как и Безыменский, что «мужик сметет бородою» новое татарское иго...» [8, с. 3].

Большим ударом для Клюева было предательство соратников и друзей. Они перестают видеть в Клюеве того поэта, который восхищал своими «перезвонами сосен» критиков и читателей – интеллигентов. С. М. Городецкий, некогда близкий друг Клюева, теперь также отрицательно отзыается о творчестве поэта. В свое время он возлагал большие надежды на только что появившегося «самобытного» дарования. В 1926 г. Городецкий вспоминал о встрече его с Клюевым и Есениным: «Чудесный поэт, хитрый, умный, Клюев, конечно, овладел молодым Есениным, как овладевал каждым из нас в свое время» [12, с. 11]. И в том же году на происшествие с Есениным Городецкий напишет: «Гибель Есенина совершенно расстроила ряды крестьянской поэзии. Он был самый сильный и самый талантливый, и все же он погиб на перевале от старого к новому. На плечи его товарищей по группе легла тяжелая и, кажется, непосильная задача продолжить начатое им дело.

Старший его товарищ, Николай Клюев, не подает никаких надежд. Он целиком до сих пор покоится в иконах, лампадах и свечах. Изобразив в свое время Кремль как Китеж и увидев в Ленине «керженский дух», он дальше не пошел, и ничего, кроме старых песен, мы ждать от него не можем» [11, с. 22–23]. Здесь было явное влияние рапповской идеологии, но, по мнению В. Г. Базанова, кое в чем Городецкий все же был прав: «крестьянские поэты не могли заменить Есенина, они слишком долго перепевали «старые песни», тогда как Есенин стал великим национальным поэтом, сумел преодолеть все ухабы и рывину проселочных дорог» [11, с. 22–23].

Печатается Клюев очень мало. Его произведения либо не хотят публиковать из-за политических и идеологических соображений, либо из-за боязни понести сурвое наказание (расследование, арест и т. д.). А. П. Чапыгин считает, что пик творчества Клюева уже прошел. В письме к М. Горькому 1926 г. в Италию в Сорренто он пишет: «Клюев – захирел, ибо ему печатать то, что он пишет, негде, а когда делает вылазки в современность, то это звучит вместо колокольного звона, как коровий шаркун, последнее время даже иконы писал, чтобы заработать хоть что-нибудь» [27, с. 322]. Действительно, в это время Клюев чувствует себя очень тяжело. Летом 1926 г. он перенес две операции, чуть не умер от заражения крови. Денег нет, так как все потрачены на лечение. Клюев пишет прошения в Московское и Ленинградское отделения Союза писателей, прося материальной помощи, которую не получит.

В 1928 г. в том же издательстве «Прибой» вышла последняя прижизненная книга Клюева «Изба и поле», которую поэт посвятил своей матери, Прасковье Дмитриевне. 16 сентября 1928 г. Клюев написал письмо М. Горькому из Полтавы. В нем поэт просил денежной помощи, а также сетовал, что рукопись почти два года лежала в издательстве и «наконец, вышла в марте этого года. В книге не хватает девяноста страниц, не допущенных к напечатанию» [18, с. 263].

Рецензий и отзывов так же было мало, как и на предыдущие издания. Разрекламирован продавцами сборник будет ужаснейшим, изdevательским образом: «Только на пятак. Две недели смеха. Что делает жена, когда мужа дома нет. 120 веселых анекдотов Николая Клюева!» [26, с. 4].

Главный редактор журнала «На литературном посту», а также генеральный секретарь РАПП, критик Л. Л. Авербах, подвергал травле многих даровитых писателей, что в результате приводило к прекращению их литературной карьеры и, зачастую, гибели. Клюева он не обойдет стороной, назвав сборник «Изба и поле» «реакционным мракобесием», где поэт совершенно не старается даже «маскировать свою последовательную реакционную кулацкую идеологию». Критик видит в сборнике «буржуазную и мелкобуржуазную идеологию» [1, с. 11].

Писатель В. С. Василенко на страницах газеты «Известия» пишет, что, познакомившись с названием «Изба и поле», читатель подумает – это лишь «условное, поэтическое обозначение, показывающее,

что книга является сборником крестьянских мотивов». Но прочитав стихотворения, убеждаешься, что речь идет непосредственно о поле и избе, причем «о собственной избе Николая Клюева». Автор статьи отмечает «территориальную ограниченность», трагически сказывающейся на «кругозоре автора». А дальше Василенко окончательно разносит книгу Клюева: «Прибегая всякий раз к ... сравнениям из области кулинарно-хозяйственной (пень – бутыль с наливкою, муравейник – кулич, лог – беленая печь), Клюев не может также шагу ступить без метафор церковно-обрядового характера. ... Клюев выступает ... мужиком сластеной, который умиляется перед «ангельским лицом» и не прочь позабавиться с нечистой силой. Пускай всем этим создается и поддерживается особый «клюевский» стиль..., но все это делает поэзию Клюева для нас чуждой, а его книга сообщает только историко-литературный да, быть – может, этнографический интерес» [10, с. 3]. Василенко, также как и Лелевич и многие другие, не видит, а может и не хочет видеть, что скрыто за этими «метафорами церковно-обрядового характера» Клюева, который остается верен своей деревне, «керженскому духу», и никак не вписывающиеся в идеологию новой литературы.

Одним из орудий отечественной периодики в оформлении той или иной точки зрения была сатира. Для критиков-фельетонистов П. М. Пильского и Измайлова в дореволюционный период Клюев был уникальным поэтом-самородком с Севера, выбившимся из стандартных подражателей И. С. Никитина и А. В. Кольцова. Неизвестный автор статьи «Преисвятая Троица [Клюев, С. Клычков, П. Орешин]» в юмористическом журнале «Чудак» назовет «крестьянского» поэта «литературным Распутином», который вбивает в головы простых читателей «церковно-славянскую дребедень». Автор рекомендует запастись словарем, иначе читателю будут непонятны церковные слова и выражения, которыми пропитан весь сборник.

Клюев, Орешин, Клычков, Есенин не подходили под критерии новой «крестьянской» литературы. По мнению слушателя Историко-Партийного Института Красной Профессуры, а впоследствии заместителя начальника Главлита И. Г. Сольца, крестьянская литература достигла больших успехов в последние годы, и «классовое расслоение здесь шагнуло далеко вперед, процесс классового оформления батрацко-бедняцких слоев и отсваивания середняка от кулака неслучайно заострили вопрос о четком размежевании от кулацкой группы писателей типа Клюева, Клычкова» [28, с. 2]. Критикуя теорию о единой крестьянской литературе В. П. Полонского, автор призывает «... каленым железом марксистской критики поставить буржуазно-кулацкое клеймо на произведениях Клычкова, Клюева и им подобных и поставить их вне рядов основной массы крестьянских писателей, представляющих батрацко-бедняцко-середняцкие слои деревни...» [28, с. 2]. Рапповский идеолог пролетарской литературы О. М. Бескин на вершину кулацкой литературы так же, как и Сольц,ставил «лихую русскую тройку»: Орешин, Клычков и Клюев

ев [9]. А. П. И. Замойский (Зевалкин), как видный сотрудник измененного ВОКП, на вопрос «Что такое Клюев?» отвечал: «Церковный староста, баптист от литературы, начетчик, то есть типичный, самый махровый представитель деревенского кулачества» [14, с. 50].

Позже отзывы о сборнике «Изба и поле» появятся только через пять лет в журнале «Звезда». А. А. Ходорович в статье «Язык и литература» называет Клюева «кулацким» поэтом, считая его мировоззрение чуждым, и даже «враждебным ...советской поэзии», при этом язык поэзии Клюева, поэтические образы и «художественная система представляет собой «огромную впечатляемость» [31, с. 234–235]. «Реакционной и кулацкой» назовет книгу Тимофеев в Литературной Энциклопедии [29].

В 1928 г. в пятом номере журнала «На литературном посту» авторы призывали закрыть дорогу «крестьянскому» поэту в печать: «Можно усомниться в том, насколько целесообразно советскому издательству переиздавать Клюева в эпоху индустриализации» [4, с. 41–42]. После такого дорога на страницы литературных газет и журналов для Клюева была закрыта. Поэт голодал, добывая себе деньги на пропитание продажей старинных церковных книг или икон, либо выступлениями на квартирах (В. А. Гаммер, М. В. Нестеров и др.).

Этот год был особенно переломным не только для Клюева, но и для всей «крестьянской» литературы и «крестьянских» писателей. До этого момента все они сосредотачивались вокруг ВОКП (Всероссийское Общество Крестьянских Писателей). На заседании Центрального Совета было признано, что отныне «крестьянские» писатели и поэты обязаны стать «пролетарскими писателями деревни». Через год на I Всероссийском съезде «крестьянских» писателей было решено о необходимости советской литературе «особого крестьянского писателя». По мнению А. В. Луначарского, это должен быть писатель «идеологические устремления, и политическая программа которого были бы пролетарскими». Луначарский отмечал разделение «крестьянских» писателей и «к одним мы относимся просто как к врагам...» [2, с. 270]. Теперь стояла задача перед ВОКП: привлечение молодых кадров, готовых в любой момент творчески бороться с кулацкой литературой и писателями. А Клюев был одним из тех врагов, которых необходимо было убрать не только со страниц литературных газет и журналов, но и исключить из Всероссийского Союза писателей. Таким образом перекрыть кислород в литературной карьере поэта.

В 1931 г. Клюев отправил письмо во Всероссийский Союз писателей. Так как в комиссии была регистрация, то поэту необходимо было оценить свое творчество и общественную деятельность. Заявление Клюева имеет два варианта. Первый, более жесткий, стал причиной исключения Клюева из состава Ленинградского бюро секции поэтов 9 января 1932 г. Второй вариант был с менее резкой критикой отправлен 20 января, но ситуацию он не изменил.

В эти годы Клюев старается вернуться на страницы журналов и газет, сближается с теми «крестьян-

скими» поэтами, которые поняли неизбежность изменения русской деревни, борьбы старого и нового.

В 1932 г. Клюев публикует свои стихотворения в журнале «Новый мир», отправляя произведения главному редактору И. М. Грекову (Федулов). Чуть ранее Клюев просил А. Н. Яр-Кравченко сделать некоторые поправки в стихотворениях «Письмо художнику Анатолию Яру» и «Ночь со своднею луною...» для журнала «Звезда». Однако стихи не были напечатаны. Последняя прижизненная публикация состоялась в том же 1932 году на страницах литературно-художественного журнала «Земля советская», где читателю был представлен цикл «Стихи о колхозе».

На Клюева нападали в печати, клеймили, а когда говорили о кулацких поэтах или контрреволюционных писателях всегда упоминали имя поэта. Цикл «Ленин» – «ярчайшее выражение кулацкой фальсификации, безобразнейшего и возмутительнейшего искажения, опошлена образа вождя... Классовый враг стремится придать вождю пролетариата ... кулацко-поповские черты» – таков вердикт философа и государственного деятеля Г. Ф. Александрова на страницах «Литературной газеты» 1932 года [3, с. 4]. Программа, заложенная Троцким и Князевым в начале 20-х гг. против Клюева, как нежелательного элемента отечественной литературы, воплотилась в травле рапповскими критиками-идеологами, предательстве некогда близких друзей и соратников.

Поэзия Клюева была негласно запрещена. Вплоть до второй половины 50-х годов не появлялись стихотворения «крестьянского» поэта в печати. В 1954 г. в Нью-Йорке вышло «Полное собрание сочинений» под редакцией Б. А. Филиппова. Однако редактор во вступительной статье к первому тому указывал на неполноту содержания этого собрания. А в 1969 г. уже в Мюнхене Филиппов совместно с Г. П. Струве издали более полное собрание сочинений в двух томах.

Выводы.

Непростая ситуация в оценке творчества Клюева заключалась в том, что многие литературные критики не могли судить о поэзии крестьянского поэта в силу несвободы от идеологии новой власти. Вульгарные социологи, как Бескин, Сольц, Авербах, Тимофеев и другие, сыграли важную роль в укреплении за Клюевым репутации «кулацкого» поэта. Они не обращали внимания на художественную составляющую поэзии Клюева, «рассматривая только идейное содержание, видя в художественном творчестве иллюстрацию к общественным событиям и политическим теориям» [21, с. 23].

Литература

1. Авербах, Л. Л. О современной литературе /Л. Л. Авербах // На литературном посту. – 1928. – №11/12.
2. Азадовский, К. М. Жизнь Николая Клюева. Документальное повествование / К. М. Азадовский. – СПб., 2002.

3. Александров, Г. Ф. Ленинские мотивы в поэзии / Г. Ф. Александров // Литературная газета. – 1932. – 22 января.
4. [Б.п.] // На литературном посту. – 1928. – №5.
5. Авербах, Л. Л. Нейтралитет или руководство? К дискуссии о политике РКП в художественной литературе / [Л. Л. Авербах и др.] // Правда. – 1924. – 19 февраля.
6. [Б.п.] Пресвятая Троица [Клюев, С. Клычков, П. Орешин] / [Б.п.] // Чудак. – 1929. – №14.
7. Безыменский, А. И. О чём они плачут? / А. И. Безыменский // Комсомольская правда. – 1927. – №76. – 5 апреля.
8. Безыменский, А. И. «Русское дело» Н. Клюева / А. И. Безыменский // Красная газета. – 1927. – 2 февраля. – веч. вып.
9. Бескин, О. М. Кулацкая литература / О. М. Бескин // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 5. – 1931.
10. Василенко, В. С. Николай Клюев. Изба и поле / В. С. Василенко // Известия. – 1928. – 8 июля.
11. Городецкий, С. М. Текущий момент в поэзии / С. М. Городецкий // Советское искусство. – 1926. – №2.
12. Городецкий, С. М. О Сергеев Есенине / С. М. Городецкий // Новый мир. – 1926. – №2.
13. Е. М. Рецензия на журнал «Звезда» 1927, №1 / Е. М. // Красная газета. – 1927. – 8 февраля. – веч. вып.
14. Замойский, П. И. Кнутом направо / П. И. Замойский // Земля советская. – 1929. – №1.
15. Зонин, А. И. [Письмо в редакцию] / А. И. Зонин // На литературном посту. – 1927. – №3.
16. Измайлова, А. А. Литературное обозрение / А. А. Измайлова // Биржевые ведомости. – 1913. – 8 (21), 9 (22) авг. – утр. вып.
17. Измайлова, А. А. Хрестоматия новой литературы: ...4. Сильный поэт-самоучка – Н. Клюев / А. А. Измайлова // Новое слово. – 1913. – №10.
18. Клюев, Н. А. Словесное древо. Проза / вступ. статья А. И. Михайлова; сост., подготовка текста и примеч. В. П. Гарнина. – СПб., 2003.
19. Клюев, Н. А. Сергей Есенин. (Стихи о нем и очерк его творчества) / Н. А. Клюев, П. А. Медведев. – Л., 1927.
20. Князев, В. В. Ржаные апостолы (Клюев и клюевщина) / В. В. Князев. – Пг., 1924.
21. Краткий словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М., 1985.
22. Лелевич, Г. Л. Ленин в художественной литературе / Г. Л. Лелевич // Молодая гвардия. – 1924. – №2/3.
23. Лелевич, Г. Л. Ленин / Г. Л. Лелевич // Печать и революция. – 1924. – №2.
24. Лелевич, Г. Л. Окулаченный Ленин / Г. Л. Лелевич // На литературном посту. – 1924. – №2.
25. Медведев, П. А. [Рецензия] / П. А. Медведев // Записки Передвижного театра. – 1923. – №66. – 4 декабря.
26. Милькин, А. Москва книжная / А. Милькин // Читатель и писатель. – 1928. – №32. – 11 августа.
27. Николай Клюев. Воспоминания современников / сост. П. Е. Побerezкина. – М., 2010.
28. Сольц, И. Г. За пролетарское руководство крестьянской литературы / И. Г. Сольц // Правда. – 1930. – 2 апреля.
30. Троцкий, Л. Д. Литература и революция / Л. Д. Троцкий. – М., 1924.
31. Холодович, А. А. Язык и литература / А. А. Холодович // Звезда. – 1933. – №1.

УДК 811.161.1

А. С. Виноградов

*Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор С. Ю. Лаврова
Череповецкий государственный университет*

МЕТАТЕКСТОВЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ КАК ОСОБЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ

Статья посвящена рассмотрению метатекстовых включений в научном тексте как особых дискурсивных единиц. В статье рассматривается процесс объективации изучаемых языковых явлений. Анализируются примеры из научных текстов.

Метатекстовые включения, авторский научный дискурс, научный текст.

The article is devoted to the metatextual inclusions in the scientific text as specific discursive units. The article considers the process of objectification of studied linguistic phenomena. Examples of scientific texts are analyzed.

Metatextual inclusion, author's scientific discourse, scientific text.

Введение.

В настоящей статье мы обращаемся к рассмотрению метатекстовых включений как особых дискурсивных единиц научного текста. Статья является частью проводимого нами сопоставительного анализа авторских научных дискурсов и способов их презентации. В рамках этого анализа метатекстовые включения выступают как материал для сопоставления и описания авторских научных дискурсов. Исходным пунктом анализа является предположение о

том, что метатекстовые включения представляют собой важное средство формирования и языковой презентации авторского научного дискурса. Цель настоящей статьи состоит в освещении ряда вопросов, связанных с подобным аспектом изучения метатекстовых включений. В соответствии с названной целью нами затрагиваются следующие вопросы:

- 1) место метатекстовых включений в научном дискурсе;
- 2) определение метатекстовых включений;